

—◆ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ШЕДЕВРЫ ◆—

РОБЕРТ
ЧАМБЕРС
КОРОЛЬ
В ЖЕЛТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
САНТЬЯГО КАРУЗО

*Перевод с английского
Галины Эрли*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

AE
SOO

Я слышал крик небес,
Разорванных меж солнцами,
Что тонут в озере Хали,
Бросая тени на Каркосу.

Я слышал крик Луны,
Задушенной в ее же ореоле,
Что пожирает черная Звезда.
Ей так велит Каркоса.

Я слышал песнь Гиад,
Безмолвную, как песнь моей души...
Но вот приходит Он — и все стихает,
И стихи ты, мой голос неживой,

Как слезы, что иссохли,
В Каркосе, Богом проклятой.

*Песнь Кассильды.
«Король в желтом».
Акт I. Сцена 2 **

* Перевод Р. Демченко.

МАСКА

Камилла: Снимите маску, сэр!

Незнакомец: Зачем?

Кассильда: Время пришло. Маски сброшены.

Незнакомец: Я не ношу масок.

Камилла (испуганно, Кассильде):

Не носит масок?

«Король в желтом». Акт I. Сцена 2

I

Я ничего не знал о химии, но слушал как зачарованный. Он взял лилию, которую Женевьева принесла утром из Нотр-Дам-де-Пари, и бросил ее в чашу. Жидкость мгновенно утратила кристальную чистоту. На секунду лилию окутала молочно-белая пена, а когда исчезла, в воде осталось опаловое свечение. Менялись местами оттенки оранжевого и малинового, а затем со дна, куда опустилась лилия, как будто пробился луч чистого солнечного света. В ту же секунду он опустил руку в чашу и вытащил цветок.

— Теперь это не опасно, — объяснил он. — Как только появилось золотое свечение, можно вынимать.

Он протянул лилию мне, я взял ее в руку — цветок превратился в камень, стал чистейшим мрамором.

— Видишь, в нем нет изъяна. Ни один скульптор не смог бы такого сотворить.

W. S. P. III

Мрамор был белым, как снег, но в чашечке цветка прожилки были окрашены бледно-лазоревым, а самая сердцевина была розоватой.

— Не спрашивай меня, — улыбнулся он, заметив мое удивление. — Я понятия не имею, почему прожилки и сердцевина окрасились. Так бывает всегда. Вчера попробовал проделать это с золотой рыбкой Женевьевы. Вот она.

Рыбка выглядела мраморной статуэткой. Но если поднести ее к свету, то можно было заметить, что камень испещрен красивыми голубыми прожилками. Откуда-то изнутри исходил розово-опаловый цвет. Я заглянул в чашу.

— А если я суну туда руку? — спросил я.

— Не знаю, но лучше не пробуй.

— Что меня гложет, — сказал я, — так это откуда взялся тот солнечный луч?

— Он просто похож на солнечный свет. Не знаю, но он всегда появляется, когда я погружаю в воду любое живое существо. Может быть, — продолжал он с улыбкой, — это душа, излетающая к источнику, который ее породил?

Я видел, что он шутит, и погрозил ему муштабелем. В ответ он рассмеялся и сменил тему.

— Останься обедать. Придет Женевьева.

— Я видел, что она ушла на раннюю мессу, — сказал я. — Такая же свежая, как та лилия, которую ты умертвил.

— Думаешь, умертвил? — серьезно сказал Борис.

— Умертвил или сохранил навечно, как посмотреть.

Мы сидели в углу студии рядом с его неоконченной группой «Судеб». Он откинулся на спинку дивана, вертя в руках долото и щурясь на свою работу.

— Между прочим, — сказал он, — я окончил Ариадну, ее придется выставить в салоне. Это все, что у меня есть

в этом году, но после успеха «Мадонны» такую дешевку показывать стыдно.

«Мадонна» — изысканная мраморная скульптура, для которой позировала Женестьева, была сенсацией прошлого года салона. Я взглянул на Ариадну. Технически она была совершенна, но я был согласен с Борисом — от него будут ожидать чего-то большего. Очевидно, что окончить великолепную и ужасную скульптурную группу до салона он не успеет. «Судьбам» придется подождать.

Мы гордились Борисом Ивейном. Мы считали его своим, как и он нас, поскольку он родился в Америке. Но его отец был французом, а мать — русской. Вся богема называла его Борисом, но было только двое людей, к которым он в ответ обращался так же запросто — Джек Скотт и я.

Возможно, моя любовь к Женестьеве была каким-то образом связана с его привязанностью ко мне, но мы с ним никогда этого не обсуждали. Когда наша короткая связь с Женестьевой закончилась и мы с ней всё выяснили, она со слезами на глазах призналась мне, что любит Бориса. Я отправился к нему домой и поздравил его. Искренняя сердечность моего поздравления не могла никого обмануть, но я надеялся, что хотя бы одному из нас после этого стало спокойнее. Они с Женестьевой не обсуждали того, что случилось между нами, и Борис ни о чем не знал.

Женестьева была красавица. Чистота ее лица напоминала о Херувимской песни в «Мессе» Шарля Гуно. Но я всегда радовался, когда настроение у нее менялось, тогда мы называли ее апрельским деньком. Она и была изменчивой, как апрельский день. По утрам — скорбной,

величественной и ласковой, в полдень — неожиданно веселой и капризной. Я предпочитал видеть ее вторую ипостась, а не ту невозмутимую Мадонну, что бередила мне сердце. Мне грезилась Женевьева, когда Борис вновь заговорил.

— Так что ты думаешь о моем открытии?

— Оно ошеломительно.

— Я буду его использовать только чтобы удовлетворить собственное любопытство, так что тайна умрет со мной.

— Это было бы смертью искусства скульптора, не так ли? Мы, художники, много потеряли от появления фотографии.

Борис кивнул, играя долотом.

— Это опасное открытие уничтожит мир искусства. Нет, я никогда никому не открою этой тайны, — медленно сказал он.

Трудно было найти человека, менее осведомленного, чем я. Конечно, я слышал, что существуют минеральные источники, настолько насыщенные оксидом кремния, что листья и ветки, попавшие в них, через некоторое время обращаются в камень. Я смутно понимал процесс замещения кремнием органической материи — клетка за клеткой, так что в конце концов получалась каменная копия предмета. Признаюсь, это никогда меня особо не интересовало. А что касается древних окаменелостей, то они и вовсе вызывали во мне отвращение. Борис, наоборот, испытывал к ним любопытство, тщательно исследовал их и случайно наткнулся на реакцию, которая с неслышанной свирепостью охватывала погруженный в воду предмет и за секунды выполняла тысячелетнюю работу. Это все, что я сумел извлечь из его

странных объяснений. После долгого молчания он снова заговорил.

— Я был напуган, когда понял, с чем имею дело. Ученые сошли бы с ума от этого открытия. Оно так элементарно, как будто напрашивалось само собой! Когда я думаю об этой формуле, о том, как этот новый элемент осаждается на металлических весах...

— Какой новый элемент?

— О, я не думал давать ему имени, не думаю, что когда-нибудь дам. И без того в мире полно драгоценных металлов, ради которых люди режут друг другу глотки.

Я наострил уши.

— Ты нашел золото, Борис?

— Нет, лучше... — вздрогнув, он рассмеялся. — Послушай, Алек! У нас с тобой есть все, чего можно пожелать в этом мире. Эй, у тебя сейчас такой зловещий, алчный взгляд...

Я пошутил, что раз на меня напала золотая лихорадка, нам лучше сменить тему. Когда пришла Женестьева, мы перестали говорить об алхимии.

Она была одета в серебристо-серое с головы до ног. Свет переливался в ее золотистых волосах, когда она повернулась к Борису. Потом она заметила меня и ответила на приветствие. Прежде она никогда не запрещала мне целовать кончики своих белых пальцев, и я немедленно напомнил ей об этом. Она с улыбкой протянула мне руку и поскорее отняла, едва я успел ее коснуться. Потом сказала, глядя на Бориса:

— Пригласи Алека пообедать с нами.

Это было что-то новое. До сегодняшнего дня она всегда обращалась прямо ко мне.

— Уже пригласил, — коротко ответил Борис.

— Ты согласился, надеюсь? — Она повернулась ко мне с непринужденной улыбкой, как будто мы вчера с ней познакомились.

Я низко поклонился.

— С превеликой честью, сударыня.

Но она не приняла моего добродушного тона, вместо этого пробормотала какую-то гостеприимную банальность и исчезла. Мы с Борисом переглянулись.

— Может, мне лучше уйти? — спросил я.

— Даже не знаю, — откровенно ответил он.

Пока мы обсуждали целесообразность моего ухода, Женестьева появилась в дверях без шляпки. Она была потрясающе красива, хотя лицо ее потемнело, а прекрасные глаза опасно сияли. Она подошла и взяла меня под руку.

— Обед готов. Ты не обиделся, Алек? У меня болела голова, но сейчас уже нет. Пойдем, Борис, — и она просунула другую руку ему под локоть. — Алек знает, что я люблю его почти так же сильно, как тебя. Так что если он обиделся, это не страшно.

— Всегда пожалуйста! — воскликнул я. — Что за апрель без гроз?

— Ну так вперед! — пропел Борис. — Вперед!

Взявшись за руки, мы вбежали в столовую, чем шокировали слуг. Но не стоит винить нас за это. Женестьеве было восемнадцать. Борису двадцать три, а мне всего двадцать один.